

«АПОКАЛИПСИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ» А. С. ПУШКИНА

(К спорам о стихотворении «Герой»)

Во время своего первого пребывания в октябре 1830 г. в Болдино Пушкин написал стихотворение «Герой» со знаменитыми «кощунственными», вызвавшими впоследствии немало полемических откликов, стихами: «Тьмы низких истин мне дороже || Нас возвышающий обман...». Стихотворение было датировано «29 сентября 1830 Москва» — вне связи с Болдино. Загадочность «Героя» усиливалась еще письменным предупреждением Пушкина М. П. Погодину: «Посылаю вам из моего Пафмоса Апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в Ведомостях — но прошу вас и требую именем нашей дружбы — не объявлять никому моего имени»¹. Стихотворение было напечатано в «Телескопе» (1831, № 1) без подписи.

Погодин при повторной публикации «Героя» («Современник», 1837, № 1) пояснил: «Разумеется, никому не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкиным под стихотворением, после многозначительного утешься, 29 сентября 1830, есть день прибытия государя императора в Москву во время холеры».

С этим пояснением связан и комментарий Погодина к «Герою» в его известном письме к П. А. Вяземскому от 11 марта 1837 г.: «Судя по некоторым обстоятельствам, да и по словам вашим в письме к Д. В. Давыдову², очень кстати перепечатать его «Героя» теперь в «Современнике» или, если 1-я

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIV, АН СССР, М., 1941, стр. 121—122.

² В письме Д. В. Давыдову от 9 февраля 1837 г. П. А. Вяземский, рассказывая о дуэли и смерти Пушкина, внушал мысль о верноподанных чувствах покойного поэта: «Пушкин был душою предан государю. Он любил его по личной благодарности, по влечению чувств, любил характер его. Русское его чувство, царское молодечество» («Русский архив», 1879, кн. 2, вып. 6, стр. 252). Вяземский прибавлял: «Покажи мое письмо Баратынскому, Раевскому, Павлу Войновичу Нащокину и всем тем, которым память Пушкина драгоценна» (там же, стр. 253). Адресат письма установлен М. Светловой: «Кому было написано письмо П. А. Вяземского о кончине Пушкина» («Московский пушкинист», II, «Федерация», М., 1930, стр. 135—162).

книжка уже выходит, — в «Литературных прибавлениях». В этом стихотворении самая тонкая и великая похвала нашему славному царю. Клеветники увидят, какие чувства питал к нему Пушкин, не хотевший однако ж продираться со льстецами»³.

Пушкинскому намеку Погодин придал исключительное значение. Оценка стихотворения была предопределена на многие годы: Белинский в 1838 г. в период своего «примирения с действительностью» в обзоре посмертных публикаций пушкинских произведений выделит «Героя» как стихотворение, выражающее особый смысл, особенный исторический подтекст: «Это стихотворение, кроме своего высокого поэтического достоинства, драгоценно еще и как доказательство благородных истинно русских чувствований Пушкина...»⁴.

Советское литературоведение справедливо объяснило пушкинскую дату «29 сентября 1830 Москва» новыми надеждами поэта на возможность государственных преобразований в России, на милость Николая I к осужденным декабристам. Пушкин не льстил царю, он взывал к его человечности⁵.

«Герой», разумеется, — не «Стансы» («В надежде славы и добра...»). В «Стансах» — дидактический оптимизм поэта, защита нравственных принципов просвещенного монарха, право поэта на союз с просвещенным государственным деятелем, на свое участие в государственных делах.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

(«Друзьям»)

В «Герое» главная тема стихотворения связана с философией личности, с проблемой «человек и властитель», с конфликтом — действительность и поэзия. В «Стансах» «герой» — понятие конкретизированное, локальное: «То академик, то герой...». В «Герое» оно — всеобъемлющее, проблемное.

Однако философская проблематика «Героя» не исключала возможность поэтического отклика на определенный исторический факт, не скрывала воодушевления поэта, вызванного этим фактом: попытки некоторых исследований противопо-

³ А. С. Пушкин. Соч. и письма, под ред. П. О. Морозова, т. 2. «Провещение», СПб., 1903, стр. 498.

⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II, АН СССР, М., 1953, стр. 353.

⁵ См.: Н. В. Фридман. Героический романтизм «последекабрьского» Пушкина (К вопросу о происхождении маленьких трагедий), «Ученые записки» МГУ, вып. 110, кн. 1, М., 1946, стр. 123—129; Б. Томашевский. Пушкин, кн. II. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 256; Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 323; Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830), «Советский писатель», М., 1967, стр. 506—507.

ставить «Героя» собственным настроениям Пушкина неубедительны⁶. Суть «Героя» нельзя свести к открытию, пояснению какой-либо одной истины. Для поэта-романтика истинное было ясно, оно рождалось в столкновении искреннего и лицемерного, чувственного и бездушного:

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

(«В. Ф. Раевскому», 1822)

Для поэта, вступившего в новую пору творческой зрелости, истинное противоречиво, многозначно. Евангельское изречение, поставленное в эпиграф стихотворения, — «Что есть истина?», — сдерживает от однозначного ответа.

В «Герое» есть истины бесспорные. С них начинается стихотворение: «Да, слава в прихотях вольна...». Знакомое осуждение «суетного света», переменчивых вкусов, молвы.

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык

Сравним:

Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы.
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

(«Поэт», 1827)

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум...

(«Поэту», 1830)

Однако «тематическое» сходство больше говорит об устойчивости, повторяемости мотивов, чем об их неизменности. В «Герое», как и в других пушкинских произведениях, традиционное для поэзии выражено в другом поэтическом стиле

⁶ А. Г. Гукасова, например, ищет иронические оценки в словах Пушкина о Николае, высказанных в письме Вяземскому от 5 ноября 1830 г.: «Каков государь? Молодец! Того и гляди, что наших каторжников простит — дай бог ему здоровья» (А. Г. Гукасова. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. «Просвещение», М., 1973, стр. 61). И. М. Тойбин считает, что стих «Оставь герою сердце!» возник в полемике с Погодиным, писавшем о приезде Николая в холерную Москву: «Родительское сердце не утерпело...» (И. М. Тойбин. Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов. — «Пушкин. Исследования и материалы», VI, «Наука», Л., 1969, стр. 40—41). В чем смысл этой «poleмики», сказать трудно. К тому же, «сердце» — в понятии добра, душевности в стихах Пушкина встречается многократно: «Я сохранила взгляд холодный || Простое сердце, ум свободный...» («В тревоге пестрой и бесплодной...», 1832), «Их буква каждая гвоздем || герою сердце пробивает...» («Из Ариостова «Orlando furioso»).

и, следовательно, в другом значении. «Герой» драматизирован, дан в жанре диалогического стихотворения. «Собеседники отнюдь не антагонистичны один другому», — замечает А. Г. Гукасова. Верно. Эстетический же вывод исследователя не бесспорен: «Друг — alter ego автора, и поэтому диалог приобретает характер внутреннего диалога поэта с самим собой»⁷. Не совсем так. «Друг» и «Поэт» эстетически разделены. «Друг» рисует общую картину, он определяет общий тип поведения людей, он видит поприще «избранных» в разных сферах: «На троне, на кровавом поле, || Меж граждан на чреде иной...» (ср. «То академик, то герой», || То мореплаватель, то плотник...»). Друг представляет Поэту мир, тщету человеческую. Поэт противопоставляет суетности жизни осмысленный взгляд, верность своему давнему избраннику: «Все он, все он — пришлец сей бранный...».

Действительно, это «голоса» «двух противоположных мировоззрений»⁸. Они особенным образом воссозданы. «Лирический собеседник», — писал В. В. Виноградов, — в поэзии Пушкина «выступает не только как живая личность, как индивидуальный образ, но и как форма нового субъективного осмысления и размещения образов...»⁹. Давно уже отмечена (П. О. Морозовым и др.) связь «Героя» с незаконченным стихотворением «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824), написанном в жанре исторической баллады. Первые же реплики Поэта в «Герое» отталкиваются от стихов исторической баллады. «Сей ратник, вольности венчанный...» противостоит вводной характеристике «Владыки севера»: «... и жребии земли || В увенчанной главе стесненные лежали, || Чредою выпадали || И миру тихую неволю в дар несли...» Стих из «Героя» («Все он, все он — пришлец сей бранный, || Пред кем смирились цари...» и т. д.) восходит к стихам той же баллады: «Сей всадник, перед кем склонились цари, || Мятужной вольности наследник и убийца...» и т. д.

Однако в «Герое» известные поэтические формулы Пушкина организованы иначе. Метаморфоза знакомого образа оказывается весьма знаменательной. «Сей ратник, вольности венчанный...» звучит проще, утвердительнее, чем стиховые повторы, вызванные романтическим восприятием «посланника providенья»: «Сей всадник...», «Сей хладный кровопийца, || Сей царь, исчезнувший, как сон...». «Тожественной зарисовки» образа Наполеона, которую находил в двух названных произведениях Н. Л. Бродский¹⁰, нет. Ее и не может быть.

Повторяющиеся поэтические приметы, одна и та же свето-

⁷ А. Г. Гукасова. Указ. соч., стр. 61.

⁸ Д. Д. Благой. Указ. соч., 501.

⁹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 89.

¹⁰ Н. Л. Бродский. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Учпедгиз, М., 1957, стр. 375.

вая гамма (свет — тьма, тень; заря — угасание)¹¹, используемые поэтом в обрисовке Наполеона, не моделируют один и тот же образ. Стих «То был сей чудный муж...» («Недвижный страж дремал...») перекликается с другим: «Когда ж твой ум он поражает || Своею чудною звездой?» («Герой»); функция эпитета в каждом стихе различна.

Лирическая композиция «Героя» основана на смене точек зрения, образов. Слово Друга — ироническое, свободно использующее норму романтического изображения: «Тогда ль, как с Альпов он взирает || На дно Италии святой; || Тогда ли, как хватает знамя || Иль жезл диктаторский; тогда ль, || Как водит и кругом и вдаль || Войны стремительное пламя...». Все это — прошлое, изведенное. Вопросы Друга риторичны, но не абстрактны. Одна картина, ситуация сменяет другую¹². Поэтическая символика дискредитирует завоевателя, узурпатора. Слава такого героя преходяща, не прочна. Развивается мотив первой строфы. Сравним:

Но нам уж то чело священо,
Над коим вспыхнул сей язык.
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед...

Все тот же привлекающий «народ бессмысленный» ореол, развенчание ореола.

Отвечая Другу, Поэт продолжает тот же суд над Наполеоном: «Нет, не у счастья на лоне || Его я вижу, не в бою, || Не зятем кесаря на троне...». В своем отрицании кумира Поэт не останавливается перед самым в недавнем прошлом близким ему романтическим образом:

Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым;
Не та картина предо мною...

Эта картина есть в пушкинском произведении «К морю» (1824) и в еще более раннем «Кавказском пленнике»:

Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!

¹¹ Об этом убедительно писал В. Ходасевич в книге «Поэтическое хозяйство Пушкина», кн. 1, «Мысль», Л., 1924, стр. 24—26.

¹² В. В. Виноградов находил в романтической образности Пушкина «живописно пластические формы предмета, его «позы», его позиции...» (В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 59). М. Цветаева, вспоминая свое восприятие Пушкина, писала, что она «видела — строка за строкой, как умела, по-своему, стихи видела». «Историческому Пушкину своего младенчества я обязана незабвенными видениями» (М. Цветаева. Мой Пушкин. «Советский писатель», М., 1967, стр. 74).

Она была типичной и для других поэтов-романтиков. У Рылеева в «Войнаровском»:

Мазепа горько улыбнулся,
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.

В последнем стихе, по словам современника, Пушкин в то время находил «единственное» «совершенное познание сердца человеческого и борение великой души с несчастьем!»¹³.

Трагическая картина поэта-романтика не интересует Поэта из «Героя». Он ей предпочитает другую, тоже трагическую: «Одров я вижу длинный строй, || Лежит на каждом труп живой, и клейменный мощно чумою...». Новая картина соотнесена с предшествующими: «Пред кем смирились цари...» — «...чумою, || Царицею болезней...», «...Пришлец сей бранный...» — «Не бранной смертью окружен...», «Он угасает недвижим, || Плащом закрывшись боевым...» — «Нахмурясь, ходит меж одрами || И хладно руку жмет чуме...». Вызов не смертным, а самой смерти, природе, року. Картина, действительно, апокалипсическая; светопреставление. Картина пушкинская, с верой в будущее.

И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

Сравним:

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье...
(«Во глубине сибирских руд...»)

Связь обоих отрывков несомненна. К ним тяготеют и другие пушкинские вещи: «Пир во время чумы», «Пророк». В них — одна философия¹⁴. Она еще раз поэтически подчеркнута в другой апокалипсической картине:

...Небесами
Клянусь: кто жизнь свою своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земля слепой.

Апология высшего суда во имя высокой цели, для человечества. Образ Наполеона исчезает, а вместе с ним — и пред-

¹³ «Десятинадцатый век», кн. 1, М., 1872, стр. 369. Письмо П. А. Муханова К. Ф. Рылееву от 13 апреля 1824 г.

¹⁴ Следует также учесть известный факт: несколько строк в стихотворение «Герой» перешло из десятой главы «Евгения Онегина». См., например: А. И. Гербстман. Заметки о «Евгении Онегине». «Ученые записки» Казахского гос. университета. Кафедра русской и зарубежной литературы, вып. 2, Алма-Ата, 1958, стр. 27—29.

метное изображение подвига. Возникает поэтическое философское обобщение, кульминация стихотворения. Ее можно прокомментировать другими пушкинскими образами («небо» — символ «высокого», «земля» — «низкие» толки «толпы»), как это делает Н. В. Фридман. Можно не давать именно таких определений, на чем настаивала А. Г. Гукасова, считая, что «слово небо символизирует не только высокое, но и вечное, и слово земля — не только низкое..., но и временное...»¹⁵. Лирический философский образ перевести на другой язык невозможно без каких-либо потерь, невольных упрощений. Об этом же говорит анализируемое стихотворение, заключительная часть его.

Параллельно выделенной уже кульминации Пушкин дает еще одну, сопоставляя «мечты поэта» с фактами «историка»; включая в текст примечание, ссылку на «Memoires de Bourgiègne», изданные во Франции в 1830 г., в которых опровергалась версия о поведении Наполеона в чумном госпитале. Друг говорит Поэту: «Историк строгий гонит вас!». Явное авторское столкновение «низких истин» и «возвышающего обмана». Конфликт переходит в другую плоскость, в спор об истинности искусства. Конец стихотворения напоминает о главной проблеме, сформулированной эпиграфом: «Что есть истина?». За какую же истину Пушкин?

Композиция стихотворения замкнута и разомкнута: Пушкин не делает выбора, не дает альтернативного решения сложнейшего эстетического вопроса. Правыми могут быть и «историк строгий» и Поэт. В «Герое», в других произведениях Пушкина есть веские голоса в защиту той и другой истины.

С одной стороны:

В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неудовим. Мирская честь
Бессмысленна, как сон...

(«Сцена из Фауста», 1825)

«Я сам обманываться рад!»

(«Признание», 1826)

С другой:

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит... (1827)

Мужайся ж, презирай обман;
Стезю правды бодро следуй...

(«Подражания Корану», 1)

¹⁵ А. Г. Гукасова. Указ. соч., стр. 65.

По Пушкину, «низкая истина» и «возвышающий обман» — две вещи в искусстве совместимы: думается, что Н. В. Фридман был неправ, когда видел в «Герое» лишь «воинствующее прославление романтического искусства», «апологию романтического вымысла»¹⁶. Более плодотворен вывод Д. Д. Благого: автор «Героя» лелеял надежду на «возможность синтеза» «поэта и прозаика», «поэта и историка»¹⁷. Последние реплики Поэта и Друга («Оставь герою сердце! Что же || Он будет без него? Тиран...») и «Утешься...») относительно успокоительны, не компромиссны. Концовка «Героя» остается проблемной, с излюбленными пушкинскими «странными сближениями». Таков и финал «Моцарта и Сальери»:

...Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?

«Герой» подобен «маленькой трагедии». Стихотворение обрывается на полуслове. По наблюдению Б. П. Городецкого, «этим художественным приемом Пушкин неоднократно пользовался для завершения наиболее значительных произведений»¹⁸.

Недосказанное — тоже проблемное, многозначное, с которым связана настоящая истинность искусства, его философия, его особая сопряженность с действительностью.

Пolemические отклики на «Героя», на парадоксальное сопоставление «низких истин» и «возвышающего обмана» (Н. А. Добролюбов, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, В. Я. Брюсов) говорят о значительности эстетической темы пушкинского стихотворения. Ее значение осознавал и М. Горький (см. его аллегорию «О Чижке, который лгал, и о Дятле — любителе истины»). Какие бы литературные споры ни возникали вокруг пушкинского «Героя», вокруг его «истины», остается бесспорной и вечной для искусства пушкинская формула:

И правды пламень благородный.

¹⁶ Н. В. Фридман. Указ. соч., стр. 126.

¹⁷ Д. Д. Благой. Указ. соч., стр. 508.

¹⁸ Б. П. Городецкий. Указ. соч., стр. 407.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975